



**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

**КЛЮЧ
ОТ НЕЗАПЕРТОЙ
ДВЕРИ**



Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж
«Угол Лахтинской и Чкаловского» (2016 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Мартова, Людмила.

М29 Ключ от незапертой двери : [роман] / Людмила
Мартова. – Москва : Эксмо, 2019. – 320 с. – (Новые
петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-099201-0

Когда у Василисы Истоминой завязались бурные отношения с режиссером Вахтангом, она просто летала от счастья. Но через несколько лет от этого, казалось бы, идеального романа не осталось и следа из-за вздорного, непостоянного и собственнического характера Вахтанга. Василиса тяжело пережила расставание и постепенно пришла в себя, но известие о гибели бывшего возлюбленного все равно стало для нее страшным ударом. Вахтанга убили в глухом лесу близ селения Авдеево, и так случилось, что его тело обнаружила сама Василиса. Подозрения в совершении убийства в первую очередь пали на нее, однако вскоре следствие оставило девушку в покое. Но она уже поняла, что ей не будет покоя, если она сама не отправится в Авдеево и не узнает, что же на самом деле произошло с Вахтангом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мартова Л., 2019
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2019
© Оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099201-0

*Моей подруге Ирине
в память о ее
удивительном папе
Людвиге Бенке.*

*Моему самому лучшему
в мире папе
Владимиру Зарецкому,
чью любовь я ощущаю
с раннего детства
и до сих пор.*

Две молодые головы
на «ты» шептались в прошлом счастье,
и поцелуй был как причастье...
Но я с тобою попрощаться
хотел бы все-таки на «вы».

В колодце плавает звезда
и хочет выбраться на небо,
а я не выберусь, наверно,
но грустно и благоговейно
благодарю Вас навсегда.

Боялись оба мы тогда
в избушке скрытной и скрипучей,
накрытой, как тулуном, тучей.
Вы – незаслуженный мой случай.
Благодарю Вас навсегда.

Мне камышами Ваше «да»
ночное озеро шепнуло.
Тень белая ко мне шагнула,
да так, что ходики шатнуло.
Благодарю Вас навсегда.

Туман баюкала вода,
и надвигались Ваши очи,
которых нет смелей и кротче.
Сестра родная белой ночи,
благодарю Вас навсегда.

Не страшно Страинного суда.
Не страшно мне суда мирского...
Быть благодарным – так рисковно.
Ржавеет счастье, как подкова.
Готов к несчастьям – что такого!
Но я готов и к счастью снова...
Благодарю Вас навсегда.

Евгений Евтушенко

**Все события вымышлены
Любые совпадения случайны**

ГЛАВА 1

Человек в лесу

*Нужно уметь уживаться
со своим прошлым.*

Мадонна

Наши дни

В лесу родилась елочка... В лесу она росла... Почему-то строки именно этой старой, основательно забытой детской песенки вспомнились Васе при виде мелькающих за окном вагона елей, подкрадывающихся к самому краю железнодорожной насыпи и стремительно, будто в испуге, отбегающих подальше от грохочущего поезда.

На самом деле Васю звали Василисой. Таким чудным именем, заставляющим упражняться в остроумии всех без исключения знакомых, ее тридцать лет назад наградили мама с бабушкой. Имя досталось ей в наследство от деда, умершего задолго до ее рождения. Бабушка обожала мужа, а мама — отца, и оттого, что в их домике по-прежнему звучало нежное «Васенька», бремя невыносимой утраты становилось чуть легче. Именно поэтому дочка и внучка была не в претензии, что ее кличут как соседского кота. Вася так Вася.

В конце концов, с ней в одном классе училась девочка, которую звали Анжелика Егоровна, а на год старше — Инесса Степановна, что, на ее взгляд, звучало гораздо смешнее, чем Василиса Александровна. Какого Александра мама вписала в ее метрику, она не знала. Отца у Василисы не было. Сколь-

ко она себя помнила, они всегда жили втроем. Она, мама и бабушка.

За окнами промелькнули сказочные голубые купола Сергиева Посада. Эту часть дороги от своего города до Москвы Василиса любила больше всего. Поезд выезжал со станции, убыстрялся, набирая ход, и пассажирам открывался чудесный вид на зеленые лощины, покрытые редкими перелесками. Рельеф здесь был холмистый. То высоко-высоко над головой, наверху отвесного котлована, по дну которого мчался поезд, оказывались деревья, то, наоборот, насыпь стремительно взмывала чуть ли не в небо, и теперь уже зеленые поля и перелески виднелись внизу, уплывали под ногами, как в фантастическом фильме.

У-ух, и снова поезд оказывался в глубокой яме, устремляясь к центру земли и теряя последнюю надежду на спасение. А-ах, и снова взмывал вверх, открывая везде, куда хватало глаз, необъятную зелень простора. В какой-то момент холмы кончились, дорога выровнялась, следить за происходящим стало менее интересно, и Василиса предалась другой своей любимой поездной забаве – сквозь оконное стекло пыталась высмотреть в мелькавшей лесной чаще гриб на опушке.

Однажды, когда Вася была маленькая, они ехали на море, в Крым, и мама тоже как зачарованная смотрела в окно и вдруг закричала: «Гриб, гриб!» Василиса метнулась к окну так стремительно, что стукнулась с мамой лбом, ойкнула, схватилась за ушибленное место и вдруг тоже увидела толстый упитанный боровичок, спрятавшийся в траве у крайней березы. Это казалось невозможным на той скорости, на которой мчался поезд, но они это видели, и с тех пор, когда Василиса ехала куда-то по железной дороге в светлое время суток и летом, она всегда высматривала гриб, наверняка

встречающий ее у насыпи, чтобы передать привет из детства. Правда, увидеть его во второй раз у нее пока не получалось.

Густой лес за окном поредел, готовясь смениться очередным лугом, посредине которого, как помнила по прошлым поездкам Вася, располагалась довольно большая и явно жилая деревня. Просветы между деревьями становились все больше, поезд немного снизил скорость, подчиняясь приказу неведомого пассажирам диспетчера, и между стволов Василисы отчетливо разглядела что-то большое и темное.

Вначале ей показалось, что это лось. Как человек, который родился и вырос в деревне, она прекрасно знала, что в начале июня у лосей гон. Появляются на свет маленькие лосята, им становится тесно в лесу, они выходят к насыпям автомобильных дорог и к железнодорожному полотну тоже. Правда, мчащиеся мимо поезда, грохочущие колесными парами, их не на шутку пугают, так что увидеть лосей можно только как сейчас, в промельке между деревьями. А вот автодороги, запах бензина и горящие фары машин привлекают их гораздо сильнее, так что и аварий, уносящих человеческие жизни, в это время года довольно много. Гораздо больше, чем хотелось бы.

Об этом Василисы знала не понаслышке, потому что работала врачом-анестезиологом в областной больнице да еще подрабатывала на «Скорой», так что последствия этих самых аварий видела каждое дежурство.

Поезд снова увеличил скорость, разгоняясь, из окна вагона уже не видно было оставшегося позади леса, когда в сознании Василисы вдруг что-то щелкнуло, пазл сложился, и она поняла, что увиденное ею большое и темное на самом деле было человеком, ничком лежащим на траве, уткнувшись головой в ствол березы.

Василиса Истомина была врачом. Несмотря на ее молодость, понятия «врачебный долг» и «клятва Гиппократ» не были для нее пустым звуком, анахронизмом, давно вышедшим из обихода однокурсников и коллег и оставшимся в далеком прошлом, когда врачи еще действительно лечили, а не заполняли талоны статучета, чтобы отчитаться перед Фондом обязательного медицинского страхования.

Человек, лежащий в лесу, нуждался в медицинской помощи, а потому, вскочив со своей полки и бросившись к купе проводника, она даже не подумала о том, что увиденное грозит лично ей какими-то неприятностями. Впрочем, если бы и подумала, то все равно поступила бы точно так же.

– Вызовите начальника поезда! – бахнула она с порога, заставив пожилую и очень тучную проводницу посмотреть на нее в немом изумлении, тут же сменившемся подозрением.

– Что случилось? – лениво, но с зарождающейся агрессией спросила проводница, глядя на взволнованную блондинку с короткой стрижкой.

– Нужно сообщить на ближайшую станцию. Там в лесу человек. Ему плохо. Нужно «Скорою» вызвать или спасателей.

– В каком лесу, девушка? Вы что, белены объелись?

– Я видела в окно, что в лесу лежит человек. Предположительно без сознания. Я врач, я понимаю, о чем говорю, – нетерпеливо продолжила Василиса, начиная бояться, что ей не поверят. – Это было сразу перед последней деревней. Сообщите, пожалуйста. Возможно, ему можно помочь.

Несмотря на маленький рост и сублильную внешность, Василиса Истомина обладала решительным характером, доставшимся ей, как и имя, в наследство от деда. Благодаря ее железной воле был вызван начальник поезда, который выслушал историю про увиденного в лесу человека, позво-

лил себе усомниться, что на такой скорости неумная пассажирка могла что-то рассмотреть, но все же связался по имеющейся у него связи со станцией и передал необходимое сообщение. Данные слишком активной пассажирки он тщательно записал в блокнот. Василиса послушно продиктовала, как ее зовут, дала номер телефона и указала место работы.

– Теперь все, – недовольно бросил начальник поезда шебутной пассажирке, из-за которой чувствовал себя довольно глупо. Врач она, видите ли. И чего не сидится спокойно?

– Спасибо вам большое, – вежливо сказала Василиса, довольная тем, что выполнила свой долг. – Возможно, мы с вами спасли чью-то жизнь.

«Точно, ненормальная, – начальник поезда проводил взглядом хрупкую фигурку, скрывшуюся за дверью купе, и, выразительно посмотрев на проводницу, покрутил пальцем у виска. – Хотя – чем черт не шутит? Вдруг и впрямь не померещилось ей».

1941 год

Вася просыпался плавно, будто не торопясь, всплывал на поверхность после глубокого нырка. Еще шумела в ушах вода, еще не разлипались глаза, не пуская непрошеные капли, стекающие с мокрой после реки головы, где-то на берегу звонил колокол, раскачиваемый прибежавшими на речку мальчишками, балующимися на колокольне заброшенного храма, когда он рывком сел на кровати, помотал головой, отгоняя сонную одурь, и посмотрел на часы.

На часах было без десяти двенадцать. Спать до полудня ему было в диковинку, но и лег он около шести утра. Вчера

в медицинском институте, который он окончил с отличием, был выпускной вечер. Сначала молодым врачам вручили выстраданные дипломы о высшем медицинском образовании, потом звучали торжественные речи под большим портретом товарища Сталина, которому они были обязаны не только своими дипломами, хрустящими коленкоровыми корочками, но и всем хорошим в своей молодой, но полной надежд жизни.

Потом пили сельтерскую воду с сиропом, ели пирожки с картошкой и вареньем, танцевали под патефон, а позже пошли бродить по Ленинграду, наслаждаясь молодостью, брызжущей через край энергией и белыми ночами.

По традиции посмотрели на развод мостов, искупались в ночной Неве, перелезли через решетку Летнего сада, просто так перелезли, дурачась и веселясь, а потом с хохотом убежали от сторожа, длинно дующего в свисток.

Как-то незаметно все разбились на парочки. За годы обучения пар на их курсе сложилось немало. Влюбленные шушукались, целовались, держались за руки, и Васе стало немного грустно от того, что его трудная любовь остается безответной.

Ее звали Анна Битнер. Белокурая, статная, она жила неподалеку от Васи и была старше его на три года. С ее точки зрения, это обстоятельство делало роман между ними невозможным. Вася же считал, что это форменные глупости, и продолжал ухаживать за фройляйн Битнер со всем пылом, на какой только был способен.

Василий Истомина был хорош собой: высокий, атлетически сложенный, с густыми темными волосами и ясными серыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами, которым завидовали многие девчонки, он вызывал неизменный

интерес у женского пола. Он знал, что по нему сохнут как минимум три однокурсницы, девственником давно не был, регулярно наведываясь в общежитие ткацкой фабрики, но по-настоящему ему нравилась только Анна.

Она была младшей сестрой его друга детства Генриха Битнера. Сколько Вася себя помнил, Генрих всегда находился рядом – высокий, худой, нескладный, немного сутулый. Разница в десять лет их обоих нисколько не смущала. Рассудительный отличник, пионер, затем комсомольский активист Василий Истомин, отличающийся богатырским здоровьем, иногда выглядел даже старше своего худосочного, болезненного друга, не мечтавшего о высшем образовании и после семилетки устроившегося на фабрику «Скороход», где он и работал уже восемнадцать лет. Полгода назад Генрих женился. Его жена, маленькая, кругленькая, очень хозяйственная и домовитая немка Магда, относилась к мужу немного покровительственно.

Дом Истоминых располагался на Александровской, в 1940 году переименованной в Печорскую. Практически за углом находилась колония Гражданка, в которой оседло жили немцы. Маленький, аккуратный, уютный домик семьи Битнер и домик родителей Магды Шеффер стояли по соседству. Здесь практически не чувствовалось дыхания большого города, величественный Ленинград высился немного в стороне, а здесь, на Гражданке, разводили коров и свиней, распахивали картофельные поля и сажали огороды.

Трудно было найти двух более непохожих людей, чем Генрих и Вася, однако дружили они крепко, всегда находя темы для разговоров. В семье Битнер много читали, и как, ни стыдно Василию было в этом признаваться, знакомству с великой русской литературой он был обязан немецкой семье

своего друга. Также от Генриха он узнал про Гёте и Гейне, Шиллера и Райнера Марию Рильке. Многих из них Василий прочел в подлинниках, потому что благодаря Генриху бегло говорил по-немецки. Точнее, благодаря Анне, которая, дразня его, часто переходила на немецкий. Проявив упорство, он выучил его, чтобы говорить с ней на родном для нее языке. Всегда, когда он думал про Анну, он почему-то вспоминал белые ночи. Она была неуловимо похожа именно на белую ночь – светлую, немного томную, полную невыразимого очарования, ускользающую и заставляющую вспоминать о себе весь следующий год.

Поймав себя на том, что мысли привычно соскочили на Анну, Вася снова помотал головой и спустил ноги с кровати. В дверь стучали. Колокол из сна, разбудивший его, оказался настойчивым, повторяющимся, тревожным стуком в дверь, распахнув которую Василий уставился во взволнованное лицо Генриха Битнера.

– Ты чего? – добродушно спросил он, отступая в прихожую, чтобы друг мог пройти. – Случилось чего? Да ты заходи. Я просто только проснулся. Выпускной отмечали до утра. Генка, да что с тобой, на тебе лица нет!

– Война, – с трудом выговорил бледный Генрих, губы которого прыгали, не в силах выговорить ужасное слово. – Сегодня в четыре часа началась. Германия бомбила территорию Советского Союза, по радио объявили. Васька, что же теперь будет, а? – и, не в силах сдержаться, Генрих заплакал, размазывая слезы по лицу не очень чистым кулаком.

– Вот черт! – Василий тоже сжал руку в кулак и стукнул по дверному косяку с такой силой, что на пол посыпалась какая-то древняя труха. – Плохо будет, Генка. Война – это

всегда плохо. Ч-черт. Надо в военкомат идти. Я же военно-обязанный.

– Нас всех убьют. – Генрих всхлипывал, дрожа.

– Да ладно тебе. Мы, несомненно, победим. Война будет короткой. Месяц, максимум полгода. Ты же знаешь, что Красная армия – самая непобедимая в мире. Все хорошо будет, Генка.

– Ничего не будет хорошо. – Генрих уже не плакал, только крупная дрожь по-прежнему сотрясала его тело. – Особенно у нас. Мы же немцы, ты что, Васька, не понимаешь? Нас всех арестуют. И отца, и маму, и меня, и Магду, и Анну.

Слово «Анна» отозвалось в груди Василия болезненным толчком сердца, запрыгавшего в ускоренном темпе, что оно, впрочем, делало всегда при упоминании этого имени. К остальным словам Генриха он, что называется, не пристал, потому что они казались ему невыносимой глупостью.

– Да брось ты, – миролюбиво бросил он. – Никто вас не арестует, вы же к Гитлеру никакого отношения не имеете. Тебя по состоянию здоровья даже в армию не возьмут. Так что останешься в Ленинграде вместе с молодой женой. Заодно и за Анной присмотришь.

– Зря она за тебя замуж не выходит! – неожиданно бухнул Битнер, и сердце Василия снова заметалось в груди, как подстреленный заяц. – Дура она, счастья своего не понимает. Ты бы был ей хорошим мужем.

– Чего сейчас об этом говорить, – голос Васи звучал по-прежнему спокойно. – Меня-то точно в армию заберут. Так что свататься приду уже после войны.глядишь, не выгонит. Ладно, ты иди сейчас, Генка, я быстро соберусь и в институт сгоняю, узнать, что к чему.